КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Декабря. № 23. 1875 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Привѣтственныя рѣчи высокопреосвященнѣйшимъ митрополитамъ кіевскимъ и галицкимъ отъ академіи и семинаріи.

(Окончаніе) [1].

Рѣчи, произнесенныя студентами академіи на публичныхъ испытаніяхъ.

По проэкту прежняго устава духовно-учебныхъ заведеній, въ концѣ каждаго учебнаго года полагалось публичное испытаніе. Программа его печаталась предъ экзаменомъ и раздавалась на экзаменѣ посѣтителямъ. Посѣтителями публичнаго экзамена были всѣ высшія правительственныя лица духовнаго, военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, а предсѣдателемъ на экзаменѣ и главнымъ экзаменаторомъ былъ всегда митрополитъ. Въ первые годы по преобразованіи экзамены ограничивались чтеніемъ отборныхъ профессорскихъ лекцій студентами; но съ 1839 года студенты составляли и писали свои собственныя пробныя лекціи.

---

[1]) См. № 22 епарх. вѣд.

По окончаніи экзамена одинъ изъ лучшихъ студентовъ произносилъ высокопреосвященному митрополиту благодарственную рѣчь. Изъ этихъ рѣчей у насъ сохранилось нѣсколько— они задушевны и игривы, и, предлагая ихъ на страницахъ нашего изданія, мы доставляемъ возможность читателямъ нашимъ самимъ любоваться прекрасными произведеніями пера даровитыхъ людей въ самую лучшую и свѣжую пору развитія ихъ таланта.

1) Рѣчь, сказанная студентомъ академіи Михаиломъ Павловскимъ [1]) 1833 года іюня 26 дня. «Притрепетна была душа наша въ тѣ минуты, когда мы уединенно помышляли съ собою, какъ будемъ давать отчетъ въ своихъ успѣхахъ предъ знаменитымъ собраніемъ;—притрепетна она и теперь, когда каждый изъ насъ внутренно вопрошаетъ себя: каково мы отдали сей отчетъ. Успѣли-ль хотя мало удовлетворить ожиданію высокихъ лицъ, предъ которыми благоговѣемъ? Что чувствуютъ они? Какія составляютъ понятія о нашемъ образованіи? Слово ли укоризны, или слово одобренія держится теперь на правдивомъ языкѣ ихъ? Вотъ мысли, кои въ сію минуту волнуютъ робкій духъ нашъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не обинуемся открыть и другое чувство нашего духа—чувство глубочайшей благодарности къ высокимъ посѣтителямъ за снисхожденіе быть свидѣтелями посильныхъ трудовъ нашихъ. Наши слабые успѣхи въ просвѣщеніи испытывалъ іерархъ, который будучи свѣтильникомъ вѣры и мудрости въ настоящемъ, изслѣдовалъ пути ея въ сумракѣ вѣковъ минувшихъ, и который, воскрешая изъ праха забвенія славу и просвѣщеніе умершихъ, тѣмъ болѣе силою благословенія и молитвъ своихъ можетъ

---

[1]) потомъ профессоръ въ одесскомъ лицеѣ и протоіерей.

произвести избыточество разума и всякаго чувства въ насъ—живыхъ чадахъ Его отеческаго попеченія. Нашему дѣтскому разглагольствію внималъ одинъ изъ верховныхъ вождей силъ россійскихъ, герой цѣлаго полвѣка, который купно съ другими героями, здѣсь присутствующими, съ мечемъ въ рукахъ, съ любовію къ царямъ въ сердцѣ, обтекъ просвѣщеннѣйшія страны міра, управлялъ одною изъ самыхъ гордыхъ и надменныхъ просвѣщеніемъ столицъ міра, и который, будучи грозою враговъ на полѣ брани, всегда былъ любителемъ и покровителемъ наукъ среди мира [1]). Сіи мысли, не смотря на всѣ недостатки наши, невольно радуютъ сердца наши въ настоящія минуты.

И развѣ много такихъ минутъ для насъ въ жизни? Развѣ случится намъ еще когда-нибудь быть столько счастливыми, чтобы на насъ благосклонно взирали знаменитѣйшіе представители славы нашего славнаго отечества? Вполнѣ чувствуемъ, что настоящій день есть единственный, въ который самые недостатки наши имѣютъ видъ преизбыточества.

Но если бы мы даже успѣли обнаружить предъ высокими посѣтителями счастливые таланты, богатыя свѣдѣнія,—и тогда развѣ можно бы восхитить ихъ всѣмъ симъ? Счастливыя дарованія, обширныя свѣдѣнія, блистательные успѣхи,—все что радуетъ сердце, чему удивляется мысль,—все это отнюдь не ново для васъ, великіе мужи. Ибо все это извѣдали, стяжали, усовершили вы въ самихъ себѣ, и—наши успѣхи въ отношеніи къ вашимъ совершенствамъ суть,

---

[1]) Рѣчь относится къ главнокомандующему свѣтл. князю Фонъ-деръ Остенъ-Сакену, который тогда жилъ въ Кіевѣ и почтилъ академическій экзаменъ своимъ присутствіемъ.

по необходимости, недостатокъ. Таковы наши внутреннія чувства, наше внутреннее убѣжденіе.

Милостивѣйшій архипастырь и отецъ нашъ! Четыре года мы наслаждались счастіемъ подъ твоимъ отеческимъ храненіемъ. Сіятельнѣйшій князь и всѣ почтеннѣйшіе посѣтители! не въ первый разъ мы осчастливлены вашимъ высокимъ посѣщеніемъ. Чѣмъ засвидѣтельствовать намъ предъ вами чувства благодарности? Что провѣщаютъ уста наши отъ избытка сердца, умѣющаго болѣе чувствовать, нежели выражать чувства свои словами? Развѣ только то, что мы, оставляя вертоградъ сей, питали себя скромною надеждою, что никогда не оставимъ духа Христова, духа истинной любви, который тщалися поселить въ насъ здѣсь, и что среди будущаго дѣланія нашего въ вертоградѣ Господнемъ, образъ пастыря, украшеннаго христіанскими добродѣтелями, и мысль о вождѣ, умѣвшемъ съ служеніемъ царю земному сочетать неослабное служеніе Царю небесному,—будетъ для насъ однимъ изъ поучительнѣйшихъ воспоминаній.

2) Рѣчь произнесенная на публичномъ испытаніи въ кіевской духовной академіи студентомъ Василіемъ Курковскимъ въ 1834 году іюля 5 дня.

«Любовь къ наукамъ расположила васъ посѣтить скромное убѣжище наше, выну оглашаемое именемъ и ученіемъ Господа Іисуса. Счастливы мы, что, удостоились имѣть свидѣтелями и судіями слабыхъ успѣховъ нашихъ сонмъ знаменитыхъ мужей, изъ коихъ одни свято и достославно проходятъ поприще служенія церкви,—другіе мужественно подвизались на поляхъ брани, и геройскою рукою пронесли славу отечества въ отдаленныя и самыя просвѣщенныя страны міра, иные съ неутомимымъ усердіемъ и блестящимъ

успѣхомъ занимаются благоустройствомъ гражданскимъ и даютъ новый видъ градамъ и весямъ,—иные съ неутомимою ревностію углубляются въ изысканія мудрости,—словомъ мы удостоены предстоять собранію мужей, въ лицѣ коихъ видимъ живые образцы превосходства человѣка, являющагося на разныхъ, самыхъ трудныхъ и возвышенныхъ степеняхъ общественнаго служенія.

Но что представили мы достойнаго ихъ вниманія? Удовлетворили-ль любопытству ихъ? Не смѣемъ мыслить сего по многимъ причинамъ, и вопервыхъ уже потому, что кругъ Боговѣдѣнія,—главный предметъ занятій нашихъ, такъ обширенъ, что и самые опытные мужи всегда почитали себя далекими отъ совершенства. Нашей ли неопытности усвоять сіе совершенство? Если бы, впрочемъ, и нашлось въ насъ что-либо совершенное, то предъ лицемъ великихъ людей, въ сравненіи съ ихъ мудростію, оно не можетъ не казаться слабымъ. Одно можемъ сказать, что мы находимся на половинѣ поприща нашего образованія. Мы не щадили усилій нашихъ прежде сего, тѣмъ болѣе не станемъ щадить и въ послѣдствіи. Главная же опора и успокоеніе сердцу нашему въ вашемъ снисхожденіи и благосклонности. Христіанская любовь, которая все терпитъ и все покрываетъ, и которая привела васъ въ сіе святилище наукъ—сія любовь и снисхожденіе восполнятъ то, что въ насъ недостаетъ.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Доселѣ мы воспитывались подъ сѣнію любви твоей и *вкусили* уже многіе *опыты* твоихъ отеческихъ попеченій. Не преставай и впредь *осѣнять* сей вертоградъ *взоромъ* любви твоей, и—онъ не замедлитъ принести плоды, благопотребные на пользу многихъ».

Изъ этихъ двухъ рѣчей и первая и вторая обращены не къ одному митрополиту, но и къ сановникамъ, присутствовавшимъ на экзаменѣ. И та и другая рѣчь очень оффиціальны и не имѣютъ ни искры вдохновенія и свѣжести. Впрочемъ первая рѣчь по слогу несравненно выше второй. Въ этой послѣдней встрѣчаются даже не точныя выраженія, напримѣръ: «вкусили многіе опыты»; «непреставай и впредь *осѣнять взоромъ любви твоей* сей вертоградъ». Не понимаемъ, какъ можно вкушать опыты, и полагаемъ, что взоръ любви скорѣе можетъ просвѣщать, чѣмъ осѣнять. Въ другихъ рѣчахъ подобныхъ неточностей и промаховъ мы уже не встрѣтимъ.

3) А вотъ слѣдуетъ, по замѣчанію преосвященнаго Иннокентія «произведеніе отличнаго пера»,—рѣчь произнесенная послѣ экзамена въ 1835 году іюля 3 дня окончившимъ курсъ академіи іеродіакономъ (нынѣ одинъ изъ высшихъ іерарховъ нашей церкви).

«В. В. м. о. и а-рь! При настоящемъ посѣщеніи твоемъ не неприлично намъ воспомянуть слово Писанія, которое говоритъ: *утренимъ въ винограды, увидимъ, аще процвѣте виноградъ, процвѣтоша ли овощіе, процвѣтоша ли яблока?* (Пѣсн. Пѣсн. 7, 12).

Утренимъ въ винограды. Не въ поздній часъ и ты (купно съ избранными мужами) пришелъ нынѣ посѣтить духовный вертоградъ твой, постоянно воздѣлываемый и охраняемый рукою твоею. *Увидимъ, аще процвѣте виноградъ, процвѣтоша ли овощіе?* Не безъ отеческаго желанія и ты пришелъ испытать: соотвѣтствуютъ ли наши труды твоимъ отеческимъ попеченіямъ о насъ».

Аще процвѣте виноградъ? О, какъ бы мы желали нынѣ, чтобъ нашъ архипастырь и отецъ (вмѣстѣ съ окру-

жающими его мужами мудрыми) нашелъ способности наши процвѣтшими, силы ума и сердца развитыми въ точной сообразности съ христіанскою цѣлію нашего воспитанія!

Аще процвѣте виноградъ? Но цвѣтъ не всегда есть вѣрный признакъ добрыхъ гроздій;—можно цвѣсти и не принесть плода. Мы желали бы услышать изъ устъ твоихъ, что въ окончательномъ испытаніи нашихъ силъ и свѣдѣній есть несомнѣнный признакъ и надежда благоплодія въ будущемъ нашемъ служеніи церкви и отечеству.

Аще процвѣте виноградъ? Но что, если онъ не разцвѣлъ? Что если мы окажемся мало опытными? Что, если успѣхи наши явятся не слишкомъ значительными,—нашъ послѣдній отчетъ будетъ во многомъ неудовлетворителенъ?

Не безъ душевнаго волненія предлагаемъ себѣ эти вопросы; ибо естественно нѣкоторое безпокойство тамъ, гдѣ дѣло идетъ о какомъ бы то ни было отчетѣ, тѣмъ болѣе отчетѣ о наукахъ боговѣденія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы имѣемъ упованіе живое на помощь Вышняго. Внутренно молимъ Отца свѣтовъ, да отверзетъ намъ умъ и языкъ—отвѣщавать разумно и смысленно. Съ искреннимъ чувствомъ любви предаемся покровительству и снисхожденію архипастыря нашего.

Такъ, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! Неоднократно представляли мы тебѣ отчетъ въ нашихъ занятіяхъ, и—никогда ни видѣли ни гнѣва твоего, ни даже упрека за наши недостатки. Еще недавно ты испытывалъ наши свѣдѣнія и наши способности и былъ благъ, снисходителенъ и чадолюбивъ къ намъ. Доселѣ мы были счастливы. Свидѣтель Богъ и совѣсть наша, какъ глубоко и живо чувствуемъ мы сыновнюю признательность и благодарность къ тебѣ.—Благослови насъ и теперь на дѣло наше; окажи и

нынѣ снисхожденіе всегда тебѣ свойственное. Въ благословеніи архипастыря есть сила ободряющая духъ; въ привѣтливомъ взорѣ отца есть жизнь, оживляющая и спасительно веселящая сердца сыновъ его».

Въ этой прекрасной рѣчи, нѣтъ уже неточностей и недомолвокъ. Примѣненіе вертограда наукъ къ винограду и прочимъ плодовитымъ деревьямъ доведено до послѣднихъ подробностей, и—ни въ чемъ вы не замѣчаете ни малѣйшей натяжки. Такъ и кажется, что авторъ высказываетъ то, что я самъ думалъ объ этомъ примѣненіи. Вообще эта рѣчь есть одна изъ лучшихъ, произнесенныхъ на экзаменахъ.

Экзаменскихъ рѣчей 1836 и 1837 годовъ, къ сожалѣнію у насъ нѣтъ. За то есть рѣчь высокопр. митрополиту Филарету при первомъ его посѣщеніи кіевской академіи, по прибытіи его въ Кіевъ.

«Читаемъ въ св. книгахъ, что когда Самуилъ пришелъ въ Виѳлеемъ, то жители города смутились о пришествіи человѣка Божія и вопрошали: *миръ ли входъ твой?* Не неприлично нынѣ и намъ чувство смущенія, намъ, кои въ первый разъ являемся лицу твоему. Но мы не вопрошаемъ: миръ ли входъ твой? Мы глубоко убѣждены и съ любовію надѣемся, что ты речешь намъ миръ. «*Пожрети Господу пріидохъ, освятитеся и возвеселитеся днесь со мною.* Мира ищетъ душа наша, волновавшаяся безпокойствомъ въ тѣ дни, когда мы могли сказать о себѣ какъ нѣкто изъ древнихъ: *азъ единъ есмь отъ худыхъ града сего.* Ты дашь намъ миръ, потому что онъ обыченъ тебѣ, и ты никому не отказываешь въ немъ. Освященіе нужно намъ, просвѣщаемымъ долгою наукою, но еще непросвѣщеннымъ въ конецъ. Ты пришелъ совершать жертвы Господу на мѣстѣ, *идѣже отцы наши* издревле *призваша имя Господне.* Вѣ-

руемъ, что ты не забудешь насъ при оныхъ жертвахъ и низведешь освященіе твоими архипастырскими молитвами. Веселіе душевное свойственно дѣтямъ при видѣ отца своего. Позволь и намъ днесь и утро и въ предніе дни возвеселиться предъ тобою. Мы съ сыновнею преданностію нарицаемъ тебя отцемъ и владыкою своимъ: уповаемъ и отъ тебя слышать слово благо, съ отеческимъ благоволеніемъ изреченное о насъ: *се Азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ*».

Рѣчь эта произнесена студентомъ академіи И. М. Бобровницкимъ.

Въ заключеніе студенческихъ рѣчей къ митрополитамъ представляемъ еще одну, произнесенную послѣ публичнаго испытанія въ 1841 году. Она замѣчательна тѣмъ, что сказана иностранцемъ, молдавскимъ уроженцемъ, студентомъ Василіемъ Попеску-Скрибанъ (Филаретъ, нынѣ епископъ въ Румыніи), и выражаетъ глубокое и непритворное чувство благодарности къ Россіи за воспитаніе въ академіи:

«Я здѣсь чужеземецъ; мой родъ, мое отечество далеко отселѣ, и языкъ у насъ иной; но здѣсь, въ этой колыбели вѣры и просвѣщенія величайшей въ свѣтѣ монархіи, я принятъ, какъ свой, и можетъ быть, болѣе, чѣмъ свой. Два года провелъ я здѣсь подъ твоимъ отеческимъ покровительствомъ, подъ руководствомъ добрыхъ наставниковъ, въ пріязни отъ всѣхъ, меня окружающихъ,—и эти два года почитаю лучшими въ жизни моей. Кто болѣе меня обязанъ глубочайшею благодарностію и сему святилищу наукъ, и особенно твоимъ, милостивѣйшій отецъ и архипастырь, попеченіямъ и христіанской любви?

Мои товарищи по наукѣ, братія по вѣрѣ, други по душѣ и по юношеской пріязни оспаривали у меня слово благодаренія, но я сказалъ имъ: «вы свои,—вы имѣете право

на благодѣяніе, и вамъ остается цѣлая жизнь для подвиговъ благодарности. Предоставьте мнѣ, страннику, послѣднюю минуту и послѣднее слово благодаренія». Они предоставили,—и я почитаю себя вполнѣ счастливымъ, что могу изречь предъ тобою, милостивѣйшій архипастырь и отецъ, тѣ чувствованія, съ которыми оставляю сіе незабвенное для меня мѣсто, гдѣ обрѣлъ я сокровище истинной мудрости христіанской и православнаго ученія вѣры, которыхъ не находилъ нигдѣ.

Если возвращусь на мою родину, и—мое отечество спроситъ у меня: позналъ ли ты истинную мудрость и благочестіе христіанское,—я скажу ему: «не только познавалъ, но и видалъ ихъ», и укажу на тебя іерархъ благочестивый. Если сосѣдній моему отечеству гордый мусульманинъ спроситъ у меня: чѣмъ твоя вѣра лучше другихъ?—Я ему скажу: «христіанскою безкорыстною любовію»—и укажу на тебя, іерархъ Христолюбивый, на великодушіе и гостепріимство великаго народа русскаго, воспитаннаго въ вѣрѣ православной и видимо осѣняемаго благословеніемъ Вышняго. Если похваляющійся всезнаніемъ европеецъ войдетъ въ состязаніе со мною,—я скажу ему: «можетъ быть вы и все знаете, но вы не видите православной церкви въ древней чистотѣ ея и благолѣпіи, а я не видалъ между вами особъ православныхъ».

Такъ, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! Въ твоей паствѣ и въ твоей академіи изучалъ я обширную науку вѣры православной; здѣсь я видѣлъ чинъ и устройство истинной церкви Христовой,—видѣлъ благолѣпіе церковное во всей красѣ и чистотѣ древней. При твоемъ священнослуженіи молился я въ древнѣйшихъ храмахъ Руси православной, и все, что могъ познать, что могъ видѣть—понесу въ мою любезную родину, и все постараюсь обратить въ назиданіе

себѣ и своимъ соотечественникамъ. Это мой святой обѣтъ, и—кромѣ исполненія сего обѣта, мнѣ нечѣмъ возблагодарить великій народъ, у котораго жилъ я гостемъ,—нечѣмъ возблагодарить тебя, милостивѣйшій архипастырь и отецъ.— И у меня есть владыка, старецъ благоговѣйный и маститый. О, какъ будетъ радоваться духъ его, когда приду къ нему и принесу ему твою любовь и твое христіанское лобзаніе! Какъ вожделѣнно будетъ и для цѣлаго моего отечества, когда принесу ему плоды христіанскаго просвѣщенія изъ того же самаго вертограда, который насаждалъ одинъ изъ сыновъ его, (митрополитъ кіевскій Петръ Могила), столь извѣстный своею ревностію по вѣрѣ православной.

Милостивѣйшій архипастырь и отецъ! освяти мой обѣтъ и мои желанія твоимъ святительскимъ благословеніемъ».

Въ заглавіи настоящей статьи и привѣтственныхъ рѣчахъ митрополитамъ отъ духовно-учебныхъ заведеній значатся между прочимъ и привѣтствія отъ семинаріи. Мы достовѣрно знаемъ, что рѣчи отъ семинаріи, наравнѣ съ рѣчами отъ академіи произносились предъ владыками; но знаемъ и то, что составленіе такихъ рѣчей принадлежало не воспитанникамъ семинаріи, а ихъ наставникамъ. Вотъ одна рѣчь, которая сохранилась у насъ.

1) Рѣчь на праздникъ воскресенія Христова.

«Господь нашъ еще прежде смерти и воскресенія изъ устъ младенцевъ и ссущихъ совершилъ себѣ хвалу. Какъ же намъ не восхвалить теперь свѣтлаго, радостнаго и великаго дня воскресенія Его? Пророкъ, предвидя сей нареченный и святый день, провѣщалъ, что для прославленія его ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ, что даже отрыгнутъ веселіе вкупѣ пустыни, яко помилова Господь людей своихъ.

Итакъ мы ли, которые учимся наукѣ слова, будемъ безмолвны, когда и самая безсловесная тварь проповѣдуетъ славу Божію? Возвысимъ убо крѣпостію слабый гласъ свой.

Но предъ кѣмъ приличнѣе излить радостныя чувствованія сердца, какъ не предъ тобою, высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій отецъ нашъ и архипастырь? Многіе изъ собратій нашихъ теперь, находясь подъ кровами отеческими, радостно привѣтствуютъ своихъ родителей; но мы, которыхъ Господу благоугодно было оставить сиротами, сподобимся привѣтствовать плотскихъ своихъ родителей развѣ общимъ воскресеніемъ; а теперь къ кому обратимся съ изъявленіемъ радости о воскресеніи Спасителя, какъ не къ тебѣ, покровитель сирыхъ, чадолюбивѣйшій отецъ нашъ, замѣнившій намъ родителей!

Вонми же, высокопр. владыко, слову благому, которое безъискусственно, но искренно выражаетъ сердце облагодѣтельствованныхъ тобою дѣтей! Господь, воскресеніемъ своимъ обновившій всяческая, да обновитъ и укрѣпитъ силы твои для блага церкви и нашего благополучія, да созидаемыми и утверждаемыми тобою домами, пріемлющими сирыхъ, самъ веселишися, да отъ пасажденныхъ тобою виноградовъ самъ снѣси плоды, и не имаши трудитися вотще. Да сіяетъ надъ святительскою главою твоею хвала и веселіе и радость вѣчная, а надъ нами да почіетъ твое архипастырское благословеніе».

Рѣчь эта произнесена очевидно ученикомъ словесности и притомъ сиротою.

Со смертію митрополита Филарета прекратились привѣтственныя рѣчи кіевскимъ владыкамъ отъ духовно-учебныхъ заведеній. Высокопреосвящ. митрополитъ Исидоръ на

зиму, за исключеніемъ одного года, отбывалъ въ Санктпетербургъ, для присутствованія въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ; точно также и послѣ него вступившій въ управленіе кіевскою паствою и къ благу ея доселѣ управляющій ею, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Арсеній каждый годъ ѣздитъ на зиму въ Петербургъ. Поэтому рѣчи устныя замѣнились, какъ замѣчено прежде, письменными поздравленіями, которыя сначала имѣли видъ рѣчей, а потомъ перешли въ форму оффиціальныхъ поздравленій.—Вообще же рѣчамъ, какъ будто, прошло время.

Обозрѣвъ, по возможности, стихотворныя и прозаическія привѣтствія отъ духовно-учебныхъ заведеній епархіальнымъ архіереямъ, мы, по правдѣ сказать, жалѣемъ, что обычай привѣтствовать архипастырей въ дни тезоименитствъ и великихъ праздниковъ вывелся изъ употребленія. Живою рѣчью поддерживалась живая связь между архипастырями и пасомыми. Намъ вовсе не кажутся льстивыми привѣтствія преосвященнымъ отъ академіи и семинаріи. Преосвященныхъ почитали отцами и покровителями, какими они и были, и теперь остаются на самомъ дѣлѣ для пасомыхъ, и особенно для юношества, воспитывающагося въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и потому для насъ изліяніе сыновнихъ чувствъ благодарности къ архипастырямъ и отцамъ отъ духовныхъ чадъ ихъ представляется дѣломъ не только естественнымъ, но и благороднымъ и возбуждающимъ сочувствіе. Съ другой стороны владыкамъ пріятно было видѣть въ привѣтствіяхъ и благодарныя къ нимъ чувствованія и успѣхи поздравителей въ наукѣ слова.

К. Думитрашковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Выпускъ 4-й и 5-й С.-Петербургъ 1874 года.

(Окончаніе) [1].

Въ историческихъ сочиненіяхъ южнорусскихъ ученыхъ замѣчается отсутствіе критики. Въ сочиненіи «Скарбница поэтитечная» Голятовскій описываетъ чудеса отъ иконы пресв. Богоматери Елецкой. Во вступленіи къ этой книжечкѣ онъ пускается въ объясненіе слова *казакъ*, и слѣдуетъ мнѣнію, по его выраженію, мудрыхъ людей, которые производятъ слово *казакъ* отъ *козерога*, небеснаго зодіака, потому что казаки ходятъ съ рогами, въ которыхъ насыпанъ порохъ, и какъ на высокомъ небѣ поднимается козерогъ, такъ казаки, проходя поля и моря, поднимаются на стѣны и валы бусурманъ и насыпаютъ изъ своихъ роговъ порохъ въ самопалы, изъ которыхъ стрѣляютъ въ непріятеля. Трудно найти болѣе рѣзкій образчикъ натянутыхъ и придуманныхъ объясненій, на которыя способна была схоластическая наука. Желая составить историческое сочиненіе о Елецкомъ монастырѣ, Голятовскій рѣшился обратиться между прочимъ къ старымъ людямъ. «Старые люди, говоритъ онъ, суть хроники живыя». Онъ отыскалъ ихъ: одному изъ нихъ было 110, другому 150, а третьему около 200 лѣтъ—старость сомнительная. Трудно, не обидѣвши память Голятовскаго, рѣшить: кто солгалъ, тотъ ли кто говорилъ о своихъ лѣтахъ Голятовскому, или самъ Голятовскій? Схоластическое образованіе

---

[1]) См. № 21 епарх. вѣд.

заставляло, при соблюденіи правилъ относительно формы, смотрѣть очень легкомысленно на фактическую правду и сочинять не считалось слишкомъ постыднымъ. Въ другомъ историческомъ сочиненіи «Алфавитъ Еретиковъ» Галятовскій перечисляетъ въ азбучномъ порядкѣ всѣхъ, кого причисляетъ къ еретикамъ, показываетъ при этомъ значительную начитанность, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшеніе понятій: къ разряду еретиковъ онъ относитъ не только философовъ древности, но даже такихъ лицъ, которые не ознаменовали себя никакими признаками умственной дѣятельности, напр. въ число еретиковъ попалъ Ксерксъ, потому только, что ему снился сонъ, а это подало Голятовскому поводъ толковать, что сны бываютъ отъ Бога, но бываютъ и отъ діавола.

Отмѣтимъ еще одну черту южно-русскихъ писателей: аскетизмъ и крайне суровый взглядъ на жизнь. Для Исаіи Копинскаго, напр., монашество—высшій образецъ; все плотское—гной, тлѣнъ, прахъ. Онъ вооружается противъ брака: «человѣкъ, говоритъ онъ, раждаясь отъ женщины, и стремится къ соединенію съ нею, но тѣмъ самымъ умираетъ душею; такъ какъ соль, хотя раждается отъ воды, но, соединяясь съ водою, вновь исчезаетъ; такъ и человѣкъ хотя раждается отъ женщины, но какъ соль растаяваетъ, когда паки ко грѣховному плотскому соплетенію лѣпится».—Такой же суровый монашескій взглядъ мы встрѣчаемъ у Симеона Полоцкаго. Требуя любви между людьми, онъ однако боится, чтобы эта любовь не была мягкая, не основывалась на пріятныхъ бесѣдахъ, на совмѣстномъ яденіи и питіи, на участіи въ развлеченіяхъ, (егда собираются на игралища и баснословія). Монашескій аскетизмъ для него высшій образецъ нравственнаго совершенства; женскаго общества надо избѣгать, «полъ женскъ—тля. Одно зрѣніе на женщину зара-

жаетъ человѣка ядомъ аспида». Въ одной проповѣди (на 27 недѣлю по пятидесятницѣ) онъ сравниваетъ грѣшную душу съ женщиною. «Какъ у женщины, говоритъ онъ, тонкій голосъ, такъ и у грѣшной души голосъ тонкій и скудный къ хваленію Бога. Жена скороглаголива, коснодвижима, скорогнѣвлива, завистлива, нелюботрудна, малонадежна—такова и грѣшная душа». Онъ не смѣетъ не уважать супружескаго союза, но вспомнивши евангельскую притчу о томъ, который не пошелъ на званный пиръ, потому что только что женился, говоритъ (на 28 недѣлю по пятьдесятницѣ): «видите, не только беззаконное, но и законное сочетаніе иногда отклоняетъ насъ отъ Бога излишествомъ любви къ женѣ. Кто паче мѣры ревнитель женѣ,—тотъ блудникъ; видите ли и законные супруги иногда блудодѣйствуютъ». Такая же суровость у Симеона и въ понятіяхъ о воспитаніи. Въ проповѣди на недѣлю разслабленнаго онъ разражается чрезвычайно суровымъ наставленіемъ и грозитъ лишеніемъ царствія Божія тѣмъ родителямъ, которые не возлагаютъ ранъ на плеча злонравныхъ дѣтей своихъ. «Кто довольствуется однимъ словеснымъ увѣщаніемъ, тотъ непріятенъ Богу. Не щадите, родители, жезловъ вашихъ, угощайте дѣтей вашихъ не душевреднымъ лобзаніемъ, а нравоисправительнымъ біеніемъ».

Съ особенною суровостію, насмѣшливостію и нетерпимостію относились южнорусскіе писатели къ различнымъ иновѣрцамъ, католикамъ, евреямъ, мусульманамъ. Костомаровъ очень кратко упоминаетъ о сочиненіяхъ южнорусскихъ писателей противъ католицизма, содержаніе которыхъ довольно общеизвѣстно, за то онъ очень подробно знакомитъ насъ съ сочиненіями Голятовскаго противъ іудеевъ, подъ заглавіемъ «Мессія праведный» и противъ мусульманства,

подъ заглавіемъ «Лебедь съ періемъ своимъ», и Alcoran Mochometow.—Въ сочиненіи противъ іудейства Голятовскій высказывается противъ евреевъ крайне сурово. «Жиды,-говоритъ онъ,—называютъ насъ гоями, т. е. погаными; они избѣгаютъ пріятельскихъ отношеній съ христіанами, гнушаются нами. И намъ слѣдуетъ, когда такъ, называть васъ погаными и гнушаться вами. Вы не хотите принимать отъ христіанъ пищи; и христіанамъ должно сдѣлаться гадкимъ, и богомерзскимъ принимать отъ іудеевъ пищу. Жиды называютъ христіанъ нечистыми; стало быть, христіане унижаютъ себя передъ жидами, когда не гнушаются принимать отъ жидовъ пищу. Ты жидъ,—продолжаетъ Голятовскій,—готовъ присягнуть христіанину ложно, у васъ такая присяга ничего не значитъ, я, поэтому, не повѣрю тебѣ, хотябы ты мнѣ присягнулъ сто разъ, тысячу разъ: будто бы вы, жиды, не дѣлаете зла христіанамъ. Наши христіанскіе государи не должны допускать васъ, жидовъ, къ присягѣ противъ христіанъ, а напротивъ, должны по справедливости карать васъ за каждое преступленіе, зная, что вы не считаете дурнымъ дѣломъ ложно присягнуть предъ христіаниномъ. Вашъ царь Саулъ присягнулъ Гаваонитянамъ не воевать противъ нихъ, а потомъ нарушаетъ присягу: за это Богъ въ продолженіи трехъ лѣтъ каралъ его землю. И теперь, слѣдуя примѣру вашего царя-Саула, вы, жиды, ни во что ставите присягу, вопреки заповѣди Божіей, и Богъ за то самое караетъ землю и государства христіанскія голодомъ и разными смертными язвами. Богъ пересталъ карать іудеевъ за преступленіе тогда, когда Давидъ приказалъ прибить на кресту (?) и истребить съ лица земли сыновей Сауловыхъ; теперь надобно намъ, христіанамъ, васъ жидовъ за клятвопреступленія ваши, убивать и истреблять; тогда Богъ перестанетъ насъ христіанъ карать

голодомъ, войною, моровымъ повѣтріемъ и другими бѣдствіями.—Въ сочиненіяхъ противъ мусульманъ Голятовскій съ особенною подробностію приводитъ различныя предсказанія о гибели мусульманства. Всего интереснѣе для насъ то, что Голятовскій въ обоихъ сочиненіяхъ говоритъ о существованіи пророчествъ о томъ, что нѣкогда полуночный монархъ покоритъ турецкое государство; затѣмъ послѣдуетъ паденіе мусульманства и обращеніе мусульманъ ко Христу. Этотъ славный предсказанный издавна подвигъ предлежитъ совершить московскому государю. Голятовскій вспоминаетъ, какъ Тамерланъ бѣжалъ изъ Россіи съ своими полчищами устрашенный Божіею Матерію, какъ Димитрій разбилъ татаръ, какъ русскіе покорили Казань и Астрахань; надлежитъ довершить то, что дѣлалось прежде. Голятовскій желаетъ, чтобы царь покорилъ Турцію, освободилъ гробъ Господень, четырехъ патріарховъ вселенскихъ, порабощенные христіанскіе народы изъ подъ мусульманской власти. Такимъ образомъ Голятовскій въ литературѣ содѣйствовалъ развитію мысли о томъ, что на Россіи лежитъ избраніе судьбы, что ея назначеніе освободить восточныхъ христіанъ и подчинить владычеству христіанской вѣры мусульманскій востокъ; однимъ словомъ, чего не докончили въ свое время крестовые походы, то надлежитъ докончить Россіи.

Костомаровъ въ своемъ приговорѣ о Голятовскомъ въ краткихъ словахъ резюмируетъ то представленіе о южнорусскихъ писателяхъ XVII в., которое могъ получить читатель изъ сдѣланныхъ нами доселѣ выдержекъ. Со всѣмъ своимъ ученымъ невѣжествомъ, съ простонародными суевѣріями, привитыми во младенчествѣ и невыбитыми школою (которая и не старалась объ ихъ искорененіи), съ легковѣріемъ ко всему печатному, съ раболѣпствомъ ко всему, что

только носитъ на себѣ притязаніе православной церковности, съ дикимъ фанатизмомъ, готовымъ жечь, топить въ водѣ, рѣзать всѣхъ, кто вѣруетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, Голятовскій, болѣе всякаго другаго, можетъ назваться представителемъ своего вѣка въ южнорусской литературѣ.

Для насъ особенно интересны тѣ страницы сочиненія Костомарова, гдѣ онъ довольно подробно говоритъ о проповѣднической дѣятельности южнорусскихъ писателей: Голятовскаго, Радивиловскаго, Барановича, Епифанія Славенецкаго, Симеона Полоцкаго и Димитрія Ростовскаго.

Голятовскій при своихъ проповѣдяхъ приложилъ правила о составленіи проповѣдей. «Старайся, говоритъ онъ, чтобы всѣ люди понимали то, что мы имъ говоримъ въ своемъ поученіи; какой мудрый былъ проповѣдникъ Іоаннъ Златоустъ, но и его порицала женщина за трудно понимаемую проповѣдь». Голятовскій въ своихъ собственныхъ проповѣдяхъ вѣренъ своему правилу: они написаны по малорусски и были удобопонятны въ той средѣ, гдѣ говорились.... Согласно духу схоластической мудрости, почерпнутой въ школѣ, Голятовскій въ своемъ руководствѣ учитъ проповѣдниковъ словоизвитію, построенію поученій на словахъ, именахъ и вообще на внѣшнихъ признакахъ: находитъ, что нежданные обороты привлекаютъ любопытство слушателей. «Можешь—говоритъ онъ—занять вниманіе людей, толкуя имъ какое-нибудь имя, и всю проповѣдь построить на имени; напримѣръ, въ недѣлю (воскресенье) говори: недѣля называется отъ того, что въ этотъ день ничего не дѣлаютъ, а только Богу молятся; или—на день Владиміра скажи, что Владиміръ отъ того такъ называется, что владѣетъ міромъ; на Василія скажи, что Василій зна-

читъ царь, ибо Василій святой царствовалъ надъ своимъ тѣломъ». Голятовскій учитъ озадачивать слушателей какимъ-нибудь не сразу понятнымъ для нихъ заявленіемъ; напримѣръ: на Вербное воскресенье сказавши:—«Православные христіане! Прошу васъ и заявляю вамъ, чтобы вы непремѣнно ходили въ церковь и молились Богу; на этой седьмицѣ будетъ страшный судъ»,—сойди прочь съ каѳедры. Это значитъ, что на страстной недѣлѣ будетъ читаться о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ: вотъ оно и есть судъ страшный». Замѣчательны его наставленія, какъ слѣдуетъ говорить надъ умершими. Голятовскій велитъ проповѣднику разсказывать, какъ покойникъ творилъ добро, хранилъ православную вѣру, помогалъ бѣднымъ милостынею, давалъ пособіе церквамъ и монастырямъ, принималъ въ свой домъ странниковъ, выкупалъ плѣнныхъ изъ неволи и пр., хотя бы за покойникомъ и невѣдомы были такія добродѣтели. «Можешь—говоритъ онъ—кромѣ того припомнить его фамилію, сказать, что она древняя, существуетъ сто лѣтъ или, пожалуй, тысячу лѣтъ на свѣтѣ, что она находилась въ родственной связи со знатными домами; можешь взять прозвище покойнаго; напр., если онъ назывался Броницкій, ты говори: онъ такъ назывался отъ того, что боронилъ отчизну; или, напр. умершій назывался Любомірскимъ; ты говори: это онъ отъ того Любомірскій, что миръ возлюбилъ. Можешь взять тоже крестное имя. Умершаго звали Стефаномъ, ты говори: Стефанъ значитъ вѣнецъ, и тутъ скажи, что покойникъ пріобрѣлъ себѣ вѣнецъ какъ бы изъ цвѣтовъ или драгоцѣнныхъ камней; или, напр., умершаго звали Дороѳей; ты обратись къ слушателямъ и скажи: Православные христіане! Дороѳей значитъ—даръ Божій. И нашъ Дороѳей, котораго видите на гробовыхъ носилкахъ, былъ истин-

нымъ даромъ для отчизны и для каѳолической церкви. Можешь также взять гербъ покойнаго: если въ гербѣ у него была стрѣла, ты припомни текстъ: покажи мя, яко стрѣлу избранну; если у него въ гербѣ башня—скажи текстъ: бысть упованіе мое столбъ крѣпости» и пр.

Можно подозрѣвать, что тутъ проповѣдникъ съ юморомъ говоритъ о проповѣдяхъ своего времени. Тоже можно было бы сказать относительно наставленія, какъ слѣдуетъ говорить проповѣди на дни святыхъ. Голятовскій говоритъ: «проповѣдь, которую ты произносишь въ день какого нибудь святаго, напр. Николая, можешь произнести на день другаго святаго напр. Василія; только въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ ты говорилъ «Николая архіепископа мѵрликійскаго», восхваляй Василія Великаго или Григорія Богослова—и т. п. Можно даже то, что ты говорилъ объ Іоаннѣ Крестителѣ, перенести на архистратига Михаила»..... Замѣчательно, какъ Голятовскій щадитъ своихъ слушателей и боится огорчить ихъ своими пастырскими угрозами. Въ проповѣди на день св. Георгія онъ коснулся ада, но ему стало жаль посылать туда грѣшныхъ слушателей, и онъ совѣтуетъ имъ не отчаяваться, не унывать. Правда изъ св. писанія слѣдуетъ, что въ адѣ будетъ болѣе душъ, чѣмъ на небѣ, и такъ надобно же, чтобы адъ кѣмъ-нибудь наполнился—и вотъ проповѣдникъ утѣшаетъ на этотъ счетъ слушателей, напоминая имъ, что вѣдь на свѣтѣ много невѣрныхъ жидовъ, магометанъ, есть довольно всякихъ еретиковъ, аріанъ, несторіанъ, адамитовъ, монофизитовъ: будетъ кому наполнить адъ; а мы православные христіане—говоритъ онъ—будемъ надѣяться, что всѣ достигнемъ вѣчнаго спасенія.

Радивиловскій издалъ сборникъ своихъ проповѣдей въ 1676 году подъ названіемъ «Сада Маріи Богородицы», а

въ 1688 году подъ другимъ затѣйливымъ заглавіемъ: «Вѣнецъ Христовъ, съ проповѣдей недѣльныхъ, аки съ цвѣтовъ рожаныхъ (розовыхъ) на украшеніе церкви исплетенный». Въ предисловіи къ читателю авторъ объясняетъ зачѣмъ книга называется вѣнцомъ розовымъ. Между прочимъ онъ сдѣлалъ это для того, чтобы книгу его читали охотнѣе, подобно тому какъ врачи приправляютъ сахаромъ свои лекарства. Авторъ простодушно воображаетъ, что за его книгу охотнѣе примутся читатели, когда увидятъ заглавіе, напоминающее розовые цвѣты. Въ своихъ проповѣдяхъ Радивиловскій употребляетъ туже, близкую къ народной рѣчи, удобопонятную рѣчь, какъ и Голятовскій, но уступаетъ ему въ даровитости, и проповѣди его представляютъ менѣе занимательности. Радивиловскій бываетъ часто растянутъ и вдается въ мелочность, въ пустые толки о словахъ.

О проповѣдяхъ Лазаря Барановича Костомаровъ отзывается крайне неодобрительно. Барановичъ отступилъ отъ способа принятаго Голятовскимъ и Радивиловскимъ. Онъ пишетъ на славяно-церковномъ языкѣ. Вычурность, напыщенность, при скудости мысли, бѣдности выраженія и отсутствіи неподдѣльнаго чувства, составляютъ отличительныя черты проповѣдей Лазаря. Въ свое время онѣ могли нравиться развѣ только книжникамъ, гонявшимся за словами и выраженіями, но едвали могли быть понятны народу. Въ своихъ проповѣдяхъ Лазарь любитъ обыкновенно вращаться на значенія словъ и разныхъ внѣшнихъ признаковъ, щеголяетъ сближеніями и противоположеніями, разглагольствуетъ до излишества о текстахъ св. Писанія, ни мало ихъ не объясняя... Онъ любитъ употреблять въ проповѣдяхъ молитвы, наполненныя вычурности и пустословія. Вотъ какъ обращается онъ къ пресв. Богородицѣ: «аще были бѣхомъ центинепесъ,

стоножны (стоножки), всѣ мы бы къ Богородицѣ прилежно притекали, яко грѣшныи. Аще быхомъ были арги (аргусы) стоочныи, всѣ мы бы на тебя смотрѣли, яже милосердія двери намъ отверзаеши. Аще быхомъ были центимани сторучныи, всѣ мы бы къ твоей ризѣ посвященнѣй прикасались». Проповѣди Лазаря изданы въ двухъ огромныхъ томахъ in folio. Первыйноситъ названіе «Мечь духовный»; второй «Трубы словесъ».

Проповѣди Епифанія Славенецкаго, по словамъ Костомарова, походятъ болѣе на диссертаціи, чѣмъ на поученія къ народу. Епифаній объясняетъ догматы и символы церкви, значеніе праздниковъ и разбираетъ ученымъ способомъ разныя стороны христіанскаго ученія. Проповѣди его испещрены множествомъ выписокъ изъ церковныхъ писателей; эти выписки приводятся въ рукописи даже не въ переводѣ, такъ что въ такомъ видѣ они могли читаться только ученымъ. Впрочемъ, какъ думаютъ, проповѣдникъ переводилъ эти мѣста, во время произнесенія проповѣди. Нерѣдко Епифаній приводилъ мѣста изъ греч. философовъ и даже поэтовъ (но съ гораздо большей критикой, чѣмъ другіе малороссійскіе проповѣдники). Слогъ его проповѣдей, хотя значительно лучше слога переводовъ, изданныхъ подъ его редакціею, страдаетъ однако вычурностію и напыщенными метафорами. Онъ увѣщеваетъ своихъ слушателей «изсѣчь душевредное стволіе неправды богоизощреннымъ сѣчивомъ покаянія, искоренить изъ сердецъ пагубный волчецъ лукавства, сожечь умовредное терніе ненависти божественнымъ пламенемъ любви, одождить мысленную землю душъ небеснымъ дождемъ евангельскаго ученія» и т. д.

Проповѣди Симеона Ситіановича Полоцкаго изданы въ двухъ огромныхъ книгахъ in folio. Въ одной изъ нихъ,

подъ названіемъ «Обѣдъ душевный» помѣщены поученія на всѣ воскресные дни года и на переходящіе праздники, а въ другомъ «Вечеря душевная» поученія на праздники непереходящіе, господскіе, богородичные, дни нѣкоторыхъ святыхъ, особенно чтимыхъ, а также поученія на разные случаи. Проповѣди Симеона проникнуты схоластическимъ пустословіемъ, сообразно риторическимъ требованіямъ своего времени. Онъ приводитъ нерѣдко древнихъ авторовъ, сообщаетъ изъ нихъ анекдоты, черпаетъ безъ разбора свѣдѣнія какъ изъ отцевъ церкви, такъ и изъ апокрифическихъ сочиненій. Симеонъ очень любитъ сравненія, но немногія у него удачны. Симеонъ сильно старается сдѣлать свои проповѣди живыми и поэтическими, а тѣ наперекоръ ему отзываются сухостію. Авторъ мало обладалъ способностію творить образы и въ этомъ отношеніи стоитъ ниже Голятовскаго.

Вліяніе кіевской схоластики, по словамъ Костомарова, отразилось во многомъ и на проповѣдяхъ свят. Димитрія Ростовскаго. Это замѣтно въ стремленіи пускаться въ символизмъ. Такъ напр. въ своей проповѣди на Вербное воскресенье свят. Димитрій задаетъ вопросъ: зачѣмъ Христосъ въѣхалъ въ Іерусалимъ, сидя на ослѣ?—и выводитъ, что это по подобію осла съ грѣшникомъ. Въ другой проповѣди онъ приглашаетъ всѣ деревья приклонить верхи свои надъ терномъ, и деревьямъ даетъ символизацію святыхъ: финикъ—это праведникъ; маслина—учители церковные; виноградъ—это вообще люди, жительствующіе по Бозѣ; а тернъ знаменуетъ страданіе. Подобно кіевскимъ проповѣдникамъ онъ приводитъ въ своихъ проповѣдяхъ разные анекдоты изъ древней исторіи, и басни, которымъ какъ будто простодушно вѣрятъ; напримѣръ, разсказывая извѣстную басню о птицѣ фениксѣ, онъ допускаетъ дѣйствительное существованіе такой птицы,

живущей будто бы въ Аравіи и Индіи. Или, напр., говоря о дельфійскомъ оракулѣ, онъ готовъ его прорицаніе признать истиннымъ. Но если свят. Димитрій во многихъ чертахъ своихъ проповѣдей и въ схоластическомъ настроеніи многихъ изъ нихъ отдавалъ дань тому кругу, въ которомъ воспитанъ, за то проповѣди его стоятъ гораздо выше проповѣдей всѣхъ его предшественниковъ, на столько, на сколько онѣ были плодомъ не упражненія на заданную тему, а истиннаго вдохновенія, которымъ была преисполнена даровитая и любящая натура проповѣдника.... Нѣкоторыя изъ проповѣдей свят. Димитрія, прочитанныя въ церкви, и теперь могутъ произвести потрясающее впечатлѣніе на слушателей. Костомаровъ для образца передаетъ содержаніе одной превосходной проповѣди св. Димитрія на день женъ муроносицъ. Въ этой проповѣди, припоминая слова, произнесенныя ангеломъ къ женамъ муроносицамъ при гробѣ воскресшаго Спасителя: воста, нѣсть здѣ! проповѣдникъ задается вопросомъ: гдѣ же Христосъ по его воскресеніи? и начинаетъ искать его. Онъ ищетъ его въ храмахъ, въ каждомъ человѣкѣ, въ людяхъ различныхъ званій: у епископовъ, у клириковъ, у монаховъ, у народа и т. д. и нигдѣ не находитъ. Для примѣра возьмемъ одно мѣсто изъ этой проповѣди. «Посмотримъ говоритъ св. Димитрій, на низшія духовныя власти, на іереевъ и діаконовъ, и спросимъ каждаго: что тебя привело въ священный чинъ? Желаніе ли спасти себя и иныхъ? Нѣтъ, ты пошелъ сюда для того, чтобы прокормить себя, жену и дѣтей. Поискалъ Іисуса не для Іисуса, а для хлѣба куса. Иной, взявши ключь разумѣнія, и самъ не входитъ и входящихъ не пускаетъ, а иной и ключа разумѣнія не бралъ, самъ ничего не разумѣетъ: слѣпецъ слѣпцовъ водитъ и купно въ яму падаютъ. Не скоро здѣсь сыщешь Христа, нѣсть здѣ.

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что Н. И. Костомаровъ въ своемъ трудѣ знакомитъ насъ подробно еще съ однимъ оригинальнымъ родомъ южнорусской литературы—комедіями духовнаго содержанія. Онъ излагаетъ содержаніе комедій, составленныхъ Симеономъ Полоцкимъ: о блудномъ сынѣ, о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и тріехъ отроцѣхъ въ пещи сожженныхъ, и такъ называемой «Рождественской драмы или комедіи» Димитрія Ростовскаго. Особенно интересна та часть этой послѣдней драмы, гдѣ идетъ дѣло о поклоненіи волхвовъ. «Вотъ три пастыря: двое ушли за покупками въ городъ, третій, Борисъ, остался при овцахъ и безпокоится за товарищей. Они приходятъ. Одинъ изъ нихъ горбатый старичекъ, кривой на одинъ глазъ, по имени Аврамъ; другой молоденькой Аѳоня. Аврамъ сознается, что зашелъ «на кружало за алтынецъ выпить винишка». Борисъ спрашиваетъ его: а мнѣ-то не купилъ?

Аврамъ: Никакъ купилъ и тебѣ: какъ вѣдь не купилъ?
— Малецъ выньми съ кошеля. Не зволишь ли испить?
Борисъ: Нутко сядьте жъ и сами теперь напьемся.
— Хлѣба купилъ ли?..
Аѳоня: Есть.
Борисъ: Горაздо подкрѣпился.
Аѳоня: Вотъ тебѣ хлѣбъ, вотъ тебѣ соль, вотъ и калачи!
Кушай старичекъ здоровъ, а на насъ не ворчи.
Аврамъ: Да кушайможъ поскорѣя, пора идти къ стаду,
Чтобъ иногда какой волкъ не влѣзъ ъъ ограду.

Въ это время раздается хоръ ангеловъ. Пастухи съ кусками во рту смотрятъ другъ на друга и не понимаютъ, что дѣлается вокругъ нихъ. Наконецъ Аѳоня глядитъ на небо и говоритъ, что видитъ высоко птичекъ; но Аврамъ,

поднявъ голову къ небу, говоритъ: братъ, кажется, ребятка стоятъ невелички?

На это Аѳоня говоритъ: судари! и хто видалъ робята съ крылами?

Птицы-то залетѣли межь облаками?..

Пастыри успокоились, продолжали свой ужинъ, собираясь идти къ овцамъ, какъ къ нимъ является ангелъ и возвѣщаетъ имъ, что близъ Виѳлеема, въ вертепѣ, между воломъ и осломъ, въ ясляхъ лежитъ новорожденный Спаситель человѣческаго рода, презнаменитый царь. Но Аврамъ говоритъ ему:

Чаю тебя, государь, къ князьямъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ. Что, ты заблудилъ?
Или не вслухалъ? вѣстникъ къ намъ такой не ходилъ!

Но ангелъ объявилъ имъ, что именно ихъ, нищихъ пастуховъ, призываетъ къ себѣ царь царей, пастырь пастырей. «Государь, говоритъ Борисъ,—надобно же что нибудь нести ему на поклонъ, чтобы не велѣлъ, какъ нашъ князь, выпроводить вонъ въ шею»!

Ангелъ отвѣчаетъ ему: «Господь не требуетъ вашего добра, не хочетъ себѣ даровъ. Онъ самъ даритъ. Несите Ему въ даръ чистое сердце».

Ангелъ сталъ невидимъ, пастыри одѣваютъ новые лапти и чулки и идутъ къ вертепу.

Вотъ какъ выражаютъ пастыри свое впечатлѣніе при видѣ младенца Христа:

. . . и подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чимъ бы тебе нашему согрѣтися свѣту!
На небѣ, какъ сказуютъ, въ тебе палатъ много,
А здѣсь, что въ вертепишку лежиши убого,

Въ яслѣхъ на остромъ сѣнѣ, между буи скоты,
Нища себе сотворивъ, всѣмъ даяй щедроты?
Это намъ деревенскимъ здѣсь лежать прилично,
А Тебѣ, Спасителю, эдакъ необычно....

Сдѣланный нами общій обзоръ содержанія сочиненія Н. И. Костомарова и приведенныя изъ него буквальныя выдержки, достаточно, кажется, свидѣтельствуютъ о томъ, что сочиненіе это можетъ быть прочтено всякимъ съ величайшимъ интересомъ. За вѣрность же представленія описываемыхъ личностей и точное изложеніе содержанія ихъ сочиненій ручается авторитетное имя автора.

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ КІЕВА И КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Диспутъ въ кіевской духовной академіи. Во вторникъ, 18 сего ноября, въ кіевской духовной академіи происходилъ *шестой* докторскій диспутъ. Экстра-ординарный профессоръ по каѳедрѣ словесности *Николай Ивановичъ Петровъ* защищалъ представленное имъ для полученія ученой степени доктора богословія сочиненіе подъ заглавіемъ—«О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога (иноземные источники)».

Изъ curriculum vitae, прочитаннаго секретаремъ правленія предъ началомъ диспута, видно, что докторантъ—уроженецъ костромской епархіи, получившій образованіе въ духовной семинаріи той же епархіи и завершившій оное въ кіевской дух. академіи. По окончаніи полнаго академическаго курса въ 1865 году онъ былъ опредѣленъ на должность преподавателя словесности и соединенныхъ съ нею предме-

товъ въ волынскую дух. семинарію; въ 1868 г. утвержденъ въ степени магистра; въ іюнѣ 1870 года перемѣщенъ въ кіевскую дух. академію по каѳедрѣ теоріи словесности и исторіи литературы, и во 2-й половинѣ 1871, согласно съ избраніемъ въ общемъ собраніи совѣта академіи, св. синодомъ утвержденъ въ званіи экстра-ординарнаго профессора. Десятилѣтняя преподавательская служба г. Петрова ознаменована многими учено-литературными трудами. Важнѣйшіе изъ этихъ трудовъ (кромѣ упомянутаго докторскаго сочиненія) слѣдующіе: 1) *О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіевской академіи до преобразованія ея въ 1819 г.* 2) *Изъ исторіи гомилетики въ старой кіевской академіи* (оба поименованныя сочиненія удостоены евгеніево-румянцевской преміи). 3) *О судьбѣ вѣна Константина великаго въ русской церкви.* 4) *Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ* (около 40 печатныхъ листовъ). 5) *О народныхъ праздникахъ въ юго-западной Руси* (на основаніи собранныхъ самимъ авторомъ свѣдѣній). 6) *О вліяніи западно-европейской литературы на древне-русскую.* 7) *Очеркъ православной школы на Волыни.* 8) *Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи. Выпускъ первый* (второй печатается). Кромѣ того, докторантомъ помѣщено много матеріаловъ и замѣтокъ по церковной и литературной исторіи въ Трудахъ кіевской дух. академіи, кіевскихъ и волынскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и отчасти въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей.

Передъ защитою докторантъ произнесъ рѣчь, гдѣ въ сжатомъ видѣ высказалъ тѣ результаты, къ которымъ онъ пришелъ въ своемъ изслѣдованіи. Результаты эти выражены имъ въ слѣдующихъ *положеніяхъ* (тезисахъ):

I) Въ числѣ первоисточниковъ проложныхъ житій есть апокрифическія сказанія, заключающія однако историческую основу.

II) Въ основу греческихъ синаксаріевъ и минологіевъ положенъ трудъ Евсевія Кесарійскаго о древнихъ мученикахъ, дополненный другими второстепенными источниками.

III) Греческій синаксарій Петра, переписанный 1249 г., нужно считать позднѣйшимъ синаксаріемъ, ранѣе котораго явились прологи Иліи и Константина Мокійскаго.

IV) Кромѣ греческихъ синаксаріевъ и минологіевъ, въ составъ славяно-русскаго пролога вошли, посредственно или непосредственно, нѣкоторыя статьи о древнихъ святыхъ изъ западно-римскихъ источниковъ.

V) Повѣствованія патериковъ и имъ подобныхъ произведеній не могутъ быть признаны вполнѣ церковно-историческими матеріалами; но они не могутъ входить и въ область сравнительной миѳологіи.

VI) Жизнь подвижниковъ и повѣствованія патериковъ, основанныя главнымъ образомъ на подражаніи св. Писанію, носятъ также слѣды вліянія апокрифовъ, современной имъ философіи и народныхъ воззрѣній. Поэтому патерики имѣютъ значительное различие между собою.

VII) Восточные и западные патерики имѣли несомнѣнное вліяніе на соотвѣтствующую имъ русскую агіографію.

VIII) Значительная часть святоотеческихъ поученій и словъ извѣстна была въ древней Руси въ отрывкахъ, изъ переводныхъ компиляцій. Поэтому духъ и характеръ твореній извѣстнаго отца и учителя церкви не всегда извѣстны были древнерусскому человѣку.

IX) Наши предки пользовались переводными свято-отеческими поученіями и отрывками изъ нихъ подъ угломъ

своего зрѣнія и приспособляли ихъ къ своимъ религіознымъ потребностямъ.

X) Поучительный отдѣлъ пролога, заимствованный изъ разныхъ компиляцій и сборниковъ, занимаетъ между ними важнѣйшее мѣсто; п. ч. касается разнообразныхъ сторонъ церковно-общественной жизни русскаго человѣка.

Оффиціальными оппонентами были—ордин. профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій и доцентъ Ѳ. А. Смирновъ.

Первый въ своихъ возраженіяхъ обратилъ преимущественное вниманіе на изысканія докторанта касательно первоисточниковъ проложныхъ житій. Оппонентъ поставилъ на видъ изслѣдователю пролога, что онъ, при обзорѣ сихъ первоисточниковъ не обратилъ надлежащаго вниманія на мученическія акты и другія тому подобныя историческіе документы, представляющіе богатый матеріалъ для агіографіи вселенской церкви, и преувеличилъ значеніе апокрифическихъ сказаній, какъ источника для житій святыхъ. По мнѣнію оппонента, болѣе внимательный обзоръ указанныхъ имъ первоисточниковъ о святыхъ далъ бы болѣе ясный взглядъ на составъ нашего пролога и на заключающіяся въ немъ памяти святыхъ.—Оппонентъ находилъ недостаточно твердыми выводы при изслѣдованіи о происхожденіи синаксаріевъ и минологіевъ и, между прочимъ, расходился съ докторантомъ относительно синаксаря нѣкоего Иліи, относимаго послѣднимъ ко времени Ѳеодора Студита. Оппонентъ раздѣляетъ мнѣніе, высказанное авторомъ «Полнаго мѣсяцеслова Востока» (первый томъ котораго вышелъ одновременно съ сочиненіемъ г. Петрова), что синаксарь Иліи есть не что иное, какъ видоизмѣненная позднѣйшая редакція минологія Василія Македонскаго, явившаяся въ концѣ X или началѣ XI столѣтія, и составитель его студійскій монахъ

XII вѣка.—Неполнота изысканій, касающихся литературы древнихъ синаксаріевъ, отразилась, по мнѣнію оппонента, нѣкоторыми неточными указаніями при изслѣдованіи отношенія славяно-русскаго пролога къ его источникамъ. Такъ докторантъ главнымъ прототипомъ пролога представляетъ синаксарій Петра (1249 г.) и меньшее значеніе въ дѣлѣ образованія пролога приписываетъ минологію В. Македонянина. Но авторъ указаннаго «Полнаго мѣсяцеслова Востока» показываетъ, что почти всѣ памяти святыхъ, находящіеся въ нашемъ печатномъ прологѣ, можно найти въ минологіи Василія.—Вполнѣ соглашаясь съ докторантомъ, что жизнь подвижниковъ укладывалась въ опредѣленную форму подъ вліяніемъ библейскимъ и подъ вліяніемъ примѣровъ предшествовавшихъ отцевъ (тезисъ VI),—оппонентъ отрицалъ, чтобы въ параллель съ этими двумя вліяніями и на одинаковой съ ними степени можно ставить вліяніе апокрифической литературы, а тѣмъ болѣе вліяніе греко-римской философіи; что въ данномъ случаѣ докторантъ въ развитіи своихъ мыслей идетъ не надежнымъ путемъ сравненія и сближенія частностей, путемъ такъ часто приводившимъ въ послѣднее время изслѣдователей къ шаткимъ теоріямъ (указана теорія Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ).—Не соглашался оппонентъ и съ тѣмъ мнѣніемъ докторанта, что появленіе патериковъ съ IV вѣка обусловливалось упадкомъ монашеской жизни; по мнѣнію оппонента, съ этого-то времени и начинается блестящій періодъ монашества.

Второй оппонентъ, вполнѣ одобривши стремленіе докторанта при изслѣдованіи источниковъ пролога поставить ихъ въ возможно-тѣсную, генетическую связь, происхожденіе однихъ объяснить другими предшествующими,—выразилъ сожалѣніе, что недостатокъ памятниковъ по агіографіи не

всегда позволялъ ему (докторанту) найти прямую естественную связь источниковъ и заставлялъ прибѣгнуть для этого къ искусственнымъ мѣрамъ, дѣлать скачки и натяжки. Поэтому нѣкоторыя положенія въ защищаемомъ изслѣдованіи представляютъ только догадки, лишенныя прочнаго основанія (мнѣніе о происхожденіи мартилоговъ римскихъ).—Во второмъ отдѣлѣ сочиненія, при объясненіи взаимнаго отношенія повѣствовательныхъ источниковъ другъ къ другу, литературный интересъ—по мнѣнію оппонента—преобладаетъ надъ религіозно-историческимъ, нерѣдко въ ущербъ фактическому содержанію источниковъ; сближаются иногда такія разнородныя вещи, между которыми нѣтъ или почти нѣтъ никакой связи (указанъ апокрифическій разсказъ объ Авраамѣ, постановленный въ связь съ поученіемъ Іоанна милостиваго, стр. 135—136 изслѣдованія о прологѣ).—Характеристика отдѣльныхъ патериковъ, по мнѣнію оппонента, недостаточно полна и характерна, что зависѣло отъ того, что докторантъ ограничился общими свѣдѣніями относительно той или другой страны, которой принадлежитъ тотъ или другой патерикъ, и не счелъ нужнымъ познакомиться съ особенными (индивидуальными) религіозно-историческими условіями, подъ вліяніемъ которыхъ и въ связи съ которыми слагалась подвижническая жизнь въ той или другой странѣ. Характеризуя сирійское и палестинское подвижничество, докторантъ приложилъ къ нему характеристику ветхозавѣтныхъ праведниковъ, изъ посланія апостола Павла ко Евреемъ; но эта характеристика—по мнѣнію оппонента—одинаково приложима къ подвижникамъ всѣхъ странъ.

Докторантъ на всѣ предлагаемыя ему возраженія отвѣчалъ спокойно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Диспутъ, длившійся около 3-хъ часовъ, кончился заявленіемъ ректора

о признаніи защиты удовлетворительною. Апплодисментамъ и восторженнымъ оваціямъ новому доктору—одному изъ любимѣйшихъ студентами профессору—не было конца.

Пособія министерства народнаго просвѣщенія. Въ *Русск. Мірѣ* передаютъ, въ видѣ слуха, что министерствомъ народнаго просвѣщенія предполагается назначить въ будущемъ году пособія между прочимъ: обществу естествоиспытателей при кіевскомъ университетѣ, на открытіе древностей въ Кіевѣ [1]), и редакціи газеты *Кіевлянинъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

«Труды Кіевской духовной Академіи» будутъ издаваться въ 1876-мъ году по прежней программѣ.

Въ «Трудахъ Кіевской духов. Академіи» будутъ помѣщаться:

I. Переводъ съ еврейскаго ветхозавѣтныхъ книгъ.

II. Лекціи наставниковъ Академіи и произносимыя ими церковныя собесѣдованія.

III. Диссертаціи на ученыя академическія степени и сочиненія на преміи, также диссертаціи pro venia legendi.

IV. Трактаты, очерки и изслѣдованія по наукамъ, преподаваемымъ въ Академіи.

---

[1]) Вѣроятнѣе на изданіе *трудовъ III-го археологическаго съѣзда*. На этотъ предметъ ассигновано по смѣтѣ на 1875 годъ еще 1000 р. с.

V. Переводы иностранныхъ сочиненій замѣчательныхъ въ религіозномъ отношеніи.

VI. Статьи, имѣющія предметомъ критическое обозрѣніе произведеній современной, по преимуществу богословской и философской литератуты, какъ отечественной, такъ и иностранной.

VII. Памятники, относящіеся къ исторіи русской церкви и русской духовной литературы, могущіе имѣть интересъ не для однихъ только спеціалистовъ, но и для большинства читателей духовныхъ журналовъ.

VIII. Извѣстія церковно-археологическаго Общества при Академіи.

IX. Въ приложеніи къ журналу будутъ печататься протоколы засѣданій академическаго Совѣта.

«Труды Кіевской дух. Академіи» будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 12 до 20 листовъ, и притомъ *вначалѣ того мѣсяца, на который книга назначается*. Цѣна годовому изданію на мѣстѣ **6 рубл. 50 к**., съ пересылкою въ другіе города **7 рублей**.

Подписка принимается *главнымъ образомъ въ редакціи «Трудовъ Кіевской духовной Академіи»*, а также въ Москвѣ—у книгопродавца А. Н. Ѳерапонтова, въ С.-Петербургѣ—у книгопродавца С. И. Литова.

Въ редакціи можно получать «Труды Кіевской духовной Академіи» прежнихъ годовъ (1860 1875 г.) и «Воскресное чтеніе» за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), II (1838—39), V (1841—42), VI (1842—43), VII (1843—44), X (1846—47), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV

(1861—62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71).

«Труды Кіевской духовной Академіи» продаются *по уменьшенной цѣнѣ:* 1860—1869 годы по 2 руб. безъ пересылки, а съ пересылкою 2 р. 60 к.; за 1870—1873 годы по 3 руб. 50 коп. безъ пересылки, съ пересылкою 4 руб. 60 коп.; за 1874 годъ 4 руб. 50 коп. на мѣстѣ, съ пересылкою 5 р. 50 коп.; за 1875 г. 6 руб.

Воскресное Чтеніе продается на мѣстѣ по 2 руб. за годовой экземпляръ безъ пересылки, а съ пересылкою и укопоркою 2 руб. 60 коп.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ «Трудовъ» и «Воскреснаго Чтенія» дѣлается уступка по 25 коп. съ рубля; выписывающіе «Воскресное Чтеніе» получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки «Трудовъ» 1860—1873 гг. отдѣльно продаются на мѣстѣ по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

Въ редакціи продаются книги:

(Цѣны на нѣкоторыя книги значительно понижены).

1) Толкованіе на первые 26 псалмовъ, Высокопреосвященнаго Арсенія, митрополита Кіевскаго (въ 8 д. 634 стран.). Цѣна (*вмѣсто трехъ рублей*) 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 руб. 75 коп.

2) Изъясненіе Божественной Литургіи, его же (въ 8 д. 450 стр.). Ц. 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

3) Бесѣды сельскаго священника съ прихожанами, 25 бесѣдъ. Ц. 40 коп. съ пер. 55 коп.

4) Книга для назидательнаго чтенія. Ц. 40 к. съ пер. 55 к.

5) Сборникъ статей изъ Воскр. Чтенія (для народныхъ школъ). Ц. 20 к. съ пер. 30 коп.

6) Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной Академіи (28 сентября 1869 года). Ц. 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 р. 40 коп.

7) Изслѣдованіе о Талмудѣ. Ц. 40 коп., съ пер. 50 к.

8) Девять историческихъ книгъ св. Писанія ветхаго завѣта, въ русск. перев. съ евр., съ примѣчан. М. Гуляева. Ц. 1 р. 25. коп. (*вм. 1 р. 80 к.*).

9) Жизнь и творенія блаж. Августина. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

10) Яковъ Косьмичъ Амфитеатровъ. Ц. 30 коп. (*вм. 70 к.*).

11) Послѣдніе дни жизни преосвящ. Филарета, митрополита Кіевскаго. Ц. 25 коп. (*вм. 50 к.*).

12) Описаніе 50-лѣтняго юбилея Высокопреосвященнаго Арсенія Митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

13 Списокъ начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Кіевской духовной Академіи первыхъ XXIV курсовъ (1819—1869). Ц. 5. коп., съ пер. 10 к.

14) Указатель Воскреснаго Чтенія. Ц. 30 к. съ пер. 40 к.

Примѣч. При покупкѣ этихъ 14 сочиненій на большую сумму редакція дѣлаетъ уступку съ цѣны книгъ и съ пересылочной суммы: 10 коп. съ рубля при покупкѣ ихъ на 10—15 руб.; 15 коп. съ рубля при покупкѣ на 15—20 руб. и 25 коп. съ рубля выписывающимъ болѣе, чѣмъ на 20 рублей.

15) Христіанская наука, или основанія св. герминев-

тики, твореніе блаж. Августина. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. (*вм. 90 к.*).

16. Ученіе св. отцовъ подвижниковъ о благодати Божіей. Ц. 25 коп., съ пер. 35 (*вм. 65 к.*).

17) Императоръ Θеодосій. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. (*вм. 45 к.*).

18) императоръ Юстиніанъ и его заслуги для церкви. Ц. 25 к., съ пер. 35 коп. (*вм. 65 к.*).

19) Софроній патріархъ іерусалимскій. 25 к., съ пер. 35 коп. (*вм. 55 к.*).

20) Михаилъ Керулларій. Ц. 25 коп., съ пер. 35 к. (*вм. 65 к.*).

21) О времени крещенія св. Ольги. Ц. 10 к., съ пер. 16 коп.

22) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею. В. И. Аскоченскаго. Два тома. Ц. 1 руб. 50 коп. (*вм. 3 руб.*)

23) Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. (*вм. 75 к.*).

24) О чинѣ православія. Ц. 25 к., съ пер. 35 коп. (*вм. 65 к.*).

25) О первоначальномъ переводѣ св. Писанія на славянскій языкъ. Ц. 10 коп., съ пер. 20 коп. (*вм. 30 к.*).

26) Библейская хронологія. Ц. 60 коп., съ пер. 75 к.

27) Польская грамматика. Ц. 25 к. съ пер. 35 коп. (*вм. 45 к.*).

28) Собраніе сочиненій студентовъ Кіевской дух. Академіи. Т. 1-й ц. 75 к. съ перес. 1 р. (*вм. 1 р. 25 к.*).

29) Происхожденіе книги Іова. Ректора Кіевской Академіи Архимандрита (нынѣ Епископа) Филарета. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

30) Ученіе о церкви въ первые три вѣка христіанства.

Инспектора Кіевской Академіи Архимандрита Сильвестра. Цѣна 1 р. 20 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

31) О книгѣ премудрости Соломона. Д. В. Поспѣхова. Ц. 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп. (*вм. 3 руб.*).

32) Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви, т. 1-й, Ив. Игнат. Малышевскаго. Ц. 3 р. съ перес.—3 р. 50 к., (*вм. 4 р.*).

33) Руководство къ начальному обученію. Ц. 50 к. съ пер. 60 к. (*вм. 70 к.*).

34) Обзоръ философскихъ ученій. П. Ив. Линицкаго. Ц. 1 р. 25. коп. (*вм. 1 р. 60 к.*).

35) Философія отцовъ и учителей церкви (періодъ древнихъ апологетовъ христіанства). К. Ив. Скворцова. Ц. 1 р. 85 коп,. съ пер. 2 руб.

36) Объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита, К. Ив. Скворцова. Ц. 65 к., съ пер. 80 коп.

37) Блаженный Августинъ, какъ психологъ. К. Ив. Скворцова. Ц. 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.

38) Записки по церковному законовѣдѣнію, прот. И. М. Скворцова, изд. 4-е. Ц. 90 коп., съ пер. 1 р. 5 коп.

39) Ветхозавѣтная исторія. И. М. Скворцова. Ц. 55 коп., съ пер. 70 коп.

40) О видахъ и степеняхъ родства. Прот. И. М. Скворцовъ. Цѣна 35 к. съ пер. 45 коп.

41) О происхожденіи и составѣ римско-католической литургіи и отличіи ея отъ православной. Ив. М. Бровницкаго. Цѣна 65 коп., съ пер. 80 коп.

42) Синайское дѣло. А. Д. Воронова. Ц. 80 коп., съ пер. 90 коп.

43) Сборникъ изъ лекцій бывшихъ наставниковъ Кіев-

ской духовной Академіи, архимандрита Иннокентія, прот. Ив. М. Скворцова, П. С. Авсеньева (архимандрита Өеофана) и Я. К. Амфитеатрова. Ц. 2 р. 50 к. (*вм. 3 р. 40 к.*).

44) Объ отношеніи древней христіанской церкви къ римскому государству. П. А. Лашкарева. Ц. 30 к. (*вм. 40 к.*)

45) Южно-русское проповѣдничество XVI и XVII в. Ф. А. Терновскаго. Ц. 50 коп., съ пер, 60 коп.

46) Русская проповѣдь при Петрѣ I. Ф. А. Терновскаго. Ц. 50 коп., съ пер 60 коп.

47) Беконъ Веруламскій. Куно-Фишера (съ портретомъ Бекона). Ф. А. Терновскаго. Ц. 20 к., съ перес. 30 коп. (*вм. 40 к.*).

48) Общедоступная христіанская библіотека. т. 1-й. Послѣдніе дни Іерусалима. Переводъ протоіерея К. Л. Кустодіева. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 коп.

49) Пособіе къ изученію евангельской исторіи. Д. Державина. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

50) О богослуженіи воскресномъ и праздничномъ въ соединенной церкви Англіи и Ирландіи. Кіевъ. 1870 г. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп.

51) Логика Гагемана. Перев. Богоявленскаго. Ц. 65 коп., съ пер. 80 коп.

52) Очерки быта древнихъ евреевъ. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

53) Апокрисисъ Христофора Филалета и исторія Флорентійскаго Собора, въ переводѣ на современный русскій языкъ, съ предисловіемъ, приложеніями и примѣчаніями. (Изд. въ память юбилея Кіевской духовной Академіи 28 сент. 1869 г., большой томъ болѣе 600 страницъ). Цѣна три руб.

54) Призваніе Авраама и церковно-историческое значеніе этого событія. Сочиненіе Н. Ив. Щеголева. Кіевъ, въ 8о стр. 316. Цѣна съ перес. 1 р. 20 к.

55) Правило пастырское св Григорія В. Двоеслова Перв. Д. А. Подгурскаго. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылк.

56) Адріанка. Комедія Теренція. Переводъ Д. А. Подгурскаго. Цѣна 50 к. съ перес.

57) Кіевская архитектура X—XII вв. П. А. Лашкарева. Ц. 30 к.

58) Происхожденіе и литургическій характеръ таинствъ. Ѳ. А. Смирнова Ц. 40 коп., съ пер. 55 коп.

59) Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской дух. Академіи. Н. И. Петрова. Выпускъ 1-й. Кіевъ. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 коп.

60) Отвѣтъ на предложенную старокатоликами схему о Св. Духѣ. Архимандрита Сильвестра. 1875 г. Ц. 1 руб.

61) Св земля. А. А. Олесницкаго (ок. 35 печатныхъ листовъ, *съ 62 рисунками* и *планомъ грунта Іерусалима*). 1875 г. Цѣна 2 р. 50 к.

62) Судьбы древнихъ памятниковъ св. земли. 1875 г. А. А. Олесницкаго. Цѣна 50 к.

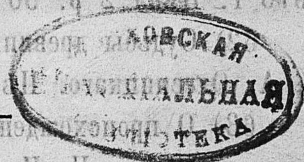
63) О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго Пролога Н. И. Петрова. 1875 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

американскій женскій вопросъ будетъ изображенъ вполнѣ такимъ, какимъ онъ есть въ жизни. Первая часть была напечатана въ концѣ 74 года и издана отдѣльнымъ изданіемъ. Цѣна 1-й части 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Годовые подписчики на газету «НОВОСТИ» прилагаютъ только 1 руб.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать деньги непосредствено въ главную контору газеты «НОВОСТИ», въ **С.-Петербургѣ**, Офицерская, д. № 7—14.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи—на годъ 9 р., на 6 м. 5 р. 50 к., на 3 м. 3 р., на 1 м. 1 р.,

Печатать дозволяется 28 Ноября 1875 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.

Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская ул. домъ № 83.